

Федор Абрамов
САМЫЙ НАДЕЖНЫЙ СУДЬЯ – СОВЕСТЬ

В мае исполняется год со дня смерти Федора Абрамова. Писательский архив велик и многообразен.

«Нева» с некоторыми сокращениями публикует стенограмму выступления Федора Александровича перед своими читателями в телестудии «Останкино».

Уважаемые товарищи, дорогие друзья! Я рад встрече с вами. Я рад встрече с нашим многомиллионным советским телезрителем. Но, видит бог, я не рвался на эту высокую сцену.

И прошло немало времени, прежде чем я дал согласие. Я не артист, я не поэт, я не эстражник. И, конечно, чувство страха: смогу ли я занять вас целый вечер, овладеть вашим умом и сердцем, не наскучу ли вам?

Меня побудили на это, прямо скажем, рискованное предприятие – письма читателей. Я получаю их много. Читательские письма, как ручьи, как реки, вливаются в мою жизнь отовсюду, со всех концов нашей страны. Они несут радость, в них боль, в них заботы, горести. В общем, вес то, чем живет наш советский человек.

И раньше для меня было непреложным законом: многие, многие годы отвечать на каждое письмо. Но в последнее время то ли потому, что уж лета не те, силенок стало меньше, то ли прибавилось всякой сутолоки, суетни заседаний, собраний и так далее, я стал некоторые письма опускать.

И вот сегодняшний вечер мне прежде всего хотелось бы рассматривать как вечер моих ответов на те письма, на которые я не ответил. Ну, и, разумеется, на те вопросы, которые предложите вы.

Предваряя ваши вопросы, я отвечу сразу же на один, который обычно встречается в каждом письме и на который чаще не отвечаешь: кто ты родом, откуда? Как пришел в эту жизнь? И разумеется, как стал писателем?

Я родился в самом красивом месте России, для меня, конечно, красивейшем. В Архангельской области, в селе Веркола, на реке Пинеге. В краю белых ночей и бескрайних лесов, к сожалению, ныне немало поределых. В краю былин и сказок. Конечно, жизнь моя поначалу складывалась совсем не сказочно. Большая многодетная крестьянская семья, ранняя безотцовщина. Заботы, постоянные заботы о куске хлеба насущного. Но, конечно, были и в моем детстве, в моей юности свои радости. И прежде всего это учеба, до которой я был великий охотник. Мне удалось после окончания средней школы поступить в Ленинградский университет. В 1938 году, когда мне было восемнадцать лет и когда первый раз я встретился с городом – это был Архангельск, столица нашего Севера, я получил первые впечатления о большой цивилизации. Помню, мне ужасно не понравилось городское многолюдье. Поразил мое воображение паровоз, который я тоже впервые увидел в жизни. И страшно не понравилась опера «Евгений Онегин». Не понравилась потому, что я, как всякий разумный, нормальный человек (так я считал) привык к тому, что люди, общаясь друг с другом, говорят обычными словами, а тут обращаются с песнями друг к другу. Это мне казалось крайне неестественным.

Отечественная война застала меня на третьем курсе Ленинградского университета. Ну, вполне понятно, что я, как все наши ребята, все мои товарищи, сразу же записался в

народное ополчение. Был великий тогда патриотический подъем и среди молодежи, и среди ленинградцев. Воевал под Ленинградом. Был дважды ранен. Второй раз очень тяжело. Самые тяжелые дни блокады пережил в Ленинграде. Потом эвакуация на Большую землю по Дороге жизни через Ладогу. Окончил университет в 1948 году. Потом аспирантура. Защитил кандидатскую диссертацию и работал в Ленинградском университете. Старший преподаватель, доцент. Последние шесть лет заведовал кафедрой советской литературы. В 1958 году я написал (на свою беду или на счастье) первое свое художественное произведение – роман «Братья и сестры». И это предопределило, решило всю мою дальнейшую судьбу. В 1960 году, через два года после окончания этого романа, я покинул университет и перешел на вольные хлеба.

Как стал писателем?

Хотя я родился в таежной, в лесной глуши, в четырехстах километрах от ближайшего города, но имя писателя для меня всегда с малых лет было окружено ореолом почитания и особой славы. Короче говоря, для меня никогда не было более высокой должности на земле, чем писательская. И, естественно, мне хотелось испробовать свои силы, я тянулся к слову. Но я из крестьянской патриархальной семьи, где, так сказать, в общем, смелость не очень поощряется. Короче говоря, я очень робел только в 1950 году, под давлением своего друга (мы как раз отдыхали в то лето на одном хуторе Новгородской области), я начал писать первые главы своего будущего романа «Братья и сестры».

Начал я сразу с самой большой литературной формы – романа. Обычно начинают с очерка, с рассказа. Ну, в лучшем случае, с повести. Но мне казалось, аспиранту второго или третьего курса просто как-то несолидно начинать с какой-то малой формы. Этим объясняются мои сложности. Я сочинял свой первый роман целых шесть лет. В великой тайне от всех. Нынче, как только появляется товарищ, у которого влечение к слову, он сразу же объявляет о том, что занимается литературой и требует соответствующего к себе внимания. Я, наоборот, всячески скрывал свои писания. И о том, что я что-то делаю, знали два- три самых моих ближайших человека. И вот я окончил роман. Носил его и так и этак. Два года его отфутболивали редакции. Потом случайно мне повезло, и роман опубликовала «Нева». Это было в 1958 году. И это – первый случаи, когда мой роман, мое большое произведение было сразу же принято доброжелательно. И читателем, и критикой.

Два года я колебался, думал, что мне делать, как быть... Но потом стало ясно, что раздираться между литературой и наукой невозможно. И я очертя голову бросился на новую стезю.

Вот и все, что касается моих анкетных данных. А теперь позвольте сразу перейти к ответам.

– Федор Александрович, скажите, пожалуйста, а кто из ваших учителей оказал на вас самое большое влияние?

– Ну, я даже немножко растерян, потому что надо было бы начинать, может быть, разговор с литературы, но начнем с этого. Впрочем, ведь все начинает человек. Человек – это произведение чьих-то рук. И в самый раз мне начать с учителей.

Скажу так: человек – это и учителя, и ученики. У каждого человека очень много учителей. Да, в общем, до последнего дня жизни, хочет он то признавать или нет, он учится. Ну, и у меня, конечно, тоже было очень много учителей. В общем, делали меня

многие люди, начинал с детства. Были неграмотные учителя, которые оставили большой след в моей жизни. Были очень грамотные, были профессора знаменитые, академики; мне приходилось встречаться в жизни немало с крупными художниками, с выдающимися нашими советскими художниками, с артистами, с композиторами. В общем, много, много было учителей, и эти учителя есть в моей жизни и сегодня. Причем речь даже не идет о возрасте. Учителя бывают и весьма солидные, старше меня по возрасту, но бывает и молодежь. И воздействие этих учителей из молодежи бывает не менее полезным для тебя, чем слово старших.

Так вот, если говорить об учителях всех периодов (разумеется, всех невозможно перечислить), я бы отметил двух человек, которые оказали на меня если не решающее воздействие, то очень большое влияние. Первый человек – это моя родная тетушка Иринья, старшая сестра моей матери. Это была старая дева, малограмотная, что называется в народе, «христова невеста». Швея со своей старенькой, разбитой машинкой «Зингер», она обходила, обшивала всю нашу деревню...

И приход ее в каждый дом был великой радостью, потому что вместе с тетушкой Ириньей в дом входил свет, входила благость, входили доброта, само милосердие, бескорыстие. И люди на глазах добрели. В семье прекращались, кончались всякие ссоры. И на неделю, иногда на десять дней, иногда на две недели, в зависимости от количества пошива в этом доме, воцарялось нечто вроде рождества или какой-то благоговеиной тишины, какой-то удивительной красоты, доброты и сердечности.

Тетушка, конечно, у меня была очень религиозная, староверка. И она была начитанна, она прекрасно знала житийную литературу, любила духовные стихи, всякие апокрифы. И вот целыми вечерами, бывало, люди слушают, и я слушаю, пи плачем, и умиляемся. И добреем сердцем, добреем сердцем. И набираемся самых хороших и добрых помыслов. Вот первые уроки доброты, сердечности, первые нравственные уроки – эти уроки идут от моей незабвенной тетушки Ириньи.

Второй учитель, имя которого я тоже с благоговением и трепетом называю, это Алексей Федорович Калинин – учитель средней школы. Это был человек невероятно ярких способностей, как я сейчас понимаю, но окончил он всего лишь учительскую семинарию. И после учительской семинарии целиком себя посвятил работе на ниве народного просвещения, пополнил армию тех, о которых у Некрасова сказано: сеяли доброе, вечное. Алексей Федорович приехал к нам юношей на Пинегу и сыграл, конечно, выдающуюся роль в просвещении пинежского населения. Он вырастил не одно поколение учеников, детей. Были тогда времена другие – особой роли, особого места учителя в школе. Алексей Федорович не только учил детей. Он учил взрослых. Тогда была кампания ликбеза, ликвидация безграмотности взрослого населения. И, конечно же, во главе этого дела стоял Алексей Федорович. Конечно же, он был и во главе театра, самодеятельного театра. Он был естественник, химию преподавал, биологию, естествознание. Насажение агрономических знаний среди крестьянства – конечно же, Алексей Федорович. И все, все, все Алексей Федорович. Перед ним – таков уж был авторитет этого несравненного человека – благоговела вся Пинега. И бывало, когда в любой мороз – а у нас морозы подходящие, и под сорок и за сорок – проходит Алексей Федорович по главной улице райцентра, мужик, завидев его с той стороны, снимает шапку, обнажает свою лысину и кланяется. И, конечно, старуха тоже отдает дань почтения народному учителю.

Алексей Федорович по своим знаниям, подчеркиваю, мог бы быть известностью в науке, мог бы занять самую, мне кажется, лучшую кафедру в наших университетах. Но он предпочел удел народного учителя, удел бескорыстного, незаметного для других и мало поощряемого деяния ...

Вот это мои самые главные учителя.

– *Как вы относитесь к театральным постановкам ваших произведений, в частности, по роману «Дом»?*

Ну, я не обижен вниманием театров, все мои крупные вещи идут на сцене или даже на сценах, можно сказать. На сценах отдельных театров. Первая, самая дорогая для меня вещь, которую я всегда вспоминаю с особым счастьем – это «Деревянные кони». На Таганке. На моей любимой Таганке.

Конечно, было жутковато, были опасения. Произойдет ли нужная, необходимая стыковка?.. Получилась! И мне кажется, очень, очень неплохой спектакль, который идет и поныне, идет восьмой или девятый год. Здесь мы увидели великолепных артистов: Аллу Демидову, нашу прославленную Зинаиду Славину, Ивана Бортника, великолепного артиста Юрия Смирнова, Галину Власову. Но с особым теплом, с особой нежностью я хотел бы сказать о Татьяне Жуковой. Потому что именно в этом спектакле для широкой публики, для театральной общественности открылась талантливо, многогранно очень талантливая артистка Татьяна Жукова, она играет сразу две очень разные роли в спектакле...

С особой нежностью я вспоминаю о другом своем спектакле, о спектакле студенческом, – «Братья и сестры», которые шли пятьдесят раз на сцене Театрального института в Ленинграде. Об этом стоит рассказать, потому что это разговор о нашей театральной молодежи, о театре сегодняшнем и о театре будущего. И вообще об отношении к молодежи. Все, что связано с этим театром, с этим коллективом, у меня всегда вызывает чувство особой нежности и особого восхищения.

Однажды, помню, я был в Доме творчества писателей под Ленинградом, приезжают ко мне три девчушки: «Федор Александрович, мы приехали за разрешением, хотим ставить ваших "Пряслиных"». Я говорю: а кто это вы? «А мы студенты – театрального института. Мы хотим дипломную работу по вашим произведениям ставить». Я говорю: как же так? Обычно начинаются разговоры автора с представления руководства, хотя бы ваших преподавателей. «А у нас, Федор Александрович, так устроена жизнь. У нас республика. И каждый студент курса исполняет сегодня обязанности руководителя, а завтра исполняет обязанности подчиненного. Вот сегодня пали обязанности руководителя курса на нас, поэтому мы приехали к вам».

Я говорю: хорошо. А вы деревню знаете? «Нет, деревни мы не знаем. Но у нас Сергуня (Сергуня – это студент, очень талантливый студент, как я потом узнал, Бехтерев) каждый год ездил к бабушке в деревню». А все остальные? Тут меня начинает, понимаете ли, немножко заводить и заводить... А почему вы вообще остановили свой выбор на «Братьях», на моих произведениях, это же довольно серьезно? «Вот нам как раз ваши произведения и понравились серьезностью». Мне это было лестно, но я сразу же одумался, я начал кричать на них. Я чуть ли не затопал ногами, потому что, ну что это такое? Понимаете ли, какие-то желторотые соплюхи – и хотят играть войну, хотят играть трагедию русской бабы. Да вы что, с ума сошли?! Но они, в общем, с ума не сошли, они пришли ко мне еще раз, второй, третий раз, и я, короче говоря, сдался. Но поставил им

условие, что прежде чем браться за эту вещь, необходимо познакомиться с деревней. Ну, они познакомились.

Тем же летом приехали ко мне в родную деревню. Получайте! Приехали всем курсом. Это лето оказалось одним из самых восхитительных в моей жизни. Ребята действительно очень многому научились, подержали в руках топор, косу, поехали на лошадях, покосили, порубили, повалили лес... На лодках сами ездили, рыбачили. А главное – послушали живую речь, послушали старух, пообщались со старухами–солдатками, услышали песню народную. Это была первая их встреча с глубинной народной Россией, по-настоящему они приняли в себя боли и беды своей страны.

Короче говоря, спектакль получился. Спектакль получился необычайно яркий, вне всяких канонов. Потому что с точки зрения жанров там все, все смешано: и трагедия, и драма, и мелодрама, и опера, и оперетта, и народный балаган. И все это работает удивительно.

Но, конечно, тут немалая заслуга преподавателей, режиссеров, преподавателя Аркадия Кацмана и другого, ныне известного очень многим, одного из самых талантливых молодых режиссеров – Льва Додина. Это их воспитанники. И ребята сыграли драму братьев и сестер только благодаря тому, что основы братства, основы коллективизма были уже заложены на курсе. Ну, и, наконец, они от людей, от живых людей вобрали в себя боль и все беды, которыми жила военная и послевоенная деревня. Получился прекрасный

спектакль. Я все думал, что на базе этого спектакля непременно будет создан молодежный театр в Ленинграде. Потому что все есть – отличный коллектив нравственной чистоты, требовательности к себе и к людям, работающий и живущий по самому большому счету, великолепные педагоги, хорошие режиссеры. Наконец, спектакль-то «Братья и сестры» – спектакль с неким символическим и очень важным для нашего народа названием – единение, братство. Разве это мало? К сожалению, ничего из этого не вышло.

Откровенно говоря, я все еще тешу себя надеждой, что, может быть, как знать, а вдруг да повернется колесо и на базе этого удивительного, этого великолепного коллектива еще возникнет, еще заработает новый молодежный театр, потому что настоящий театр – это величайшее событие в жизни. Он рождается очень и очень редко. Нельзя просто сказать: сегодня, товарищи, мы создаем театр молодежный. Назначаем режиссера, набираем актеров, и так далее. Из этого ничего не выйдет. Это, как живой организм, складывается в больших трудностях. Очень сложно. Вырастает. Очень медленно набирает сил своих. И вот мне хочется, чтобы этот театр как-то заработал.

Я хотел бы сказать о последней постановке, уже постановке собственно «Дома». «Дом» идет на нескольких сценах. Он идет в театре Гоголя в Москве, он идет в Архангельске, в Новгороде, в Ленинграде. А впервые был поставлен в Ярославле. И что удивительно – все эти спектакли идут по разным сценариям. Лично мне ближе всего, ближе всего к моему роману постановка, осуществленная режиссером Львом Додиным в Малом драматическом театре в Ленинграде, на улице Рубинштейна. По-моему, это хороший спектакль. Боевой, гражданский, оптимистический, насыщающий зрителя жизнелюбием и желанием бороться за добрые дела. Там хорошее оформление – великолепного нашего художника ленинградского, Кочергина. Артистка Евдокия Быкова очень хороша. Но совершенно удивительная, ну, просто заново родилась талантливейшая артистка – это Татьяна Шестакова, исполняющая роль Лизы. Я ее без слез, без какого-то

особенного эмоционально повышенного состояния просто смотреть не могу. Очень хорошо играет Михаила Николая Лавров. Ну, да всех просто не перечислишь. Хороший спектакль!

Хорошо получается спектакль в Архангельске. Я недавно был там. Конечно, еще есть над чем работать, но основа добротная, и архангелогородцы, мои земляки, а это для меня особая радость, принимают спектакль хорошо.

Мог бы я сказать похвальные слова и о спектакле, идущем в театре Гоголя, и о других, но я слишком пространно говорил...

– Федор Александрович, скажите, пожалуйста, что вы думаете о состоянии современной критики? Как вы относитесь к отрицательным отзывам о ваших произведениях, и какой из отрицательных отзывов вам наиболее запомнился, и, может быть, даже понравился?

– Что сказать о критике? Я прежде всего скажу так: с моей точки зрения, критика – не самый сильный жанр нашей литературы, и, вероятно, это не случайно, хотя я должен сразу же сказать, что в нашей критике работают великолепные мастера – со своим лицом, своим почерком, своим эстетическим настроем. Это бывает очень не часто. Я назову только лишь некоторых критиков, чтобы это было небезымянно, причем буду говорить в порядке алфавита. Дедков живет в Костроме, – очень со спокойным, хорошим пером, человек думающий. Он думает о судьбах страны, это человек, который старается выверять произведения всегда теми процессами, которые происходят в жизни. Вот недавно появилась его статья в «Литературном обозрении» о молодых, о так называемой Московской школе прозаиков, по-моему, великолепная статья. Дальше Игорь Золотусский – очень талантливый, один из самых наших талантливых критиков и вообще словотворцев, золотое перо у человека... пишет всегда чрезвычайно остро, чрезвычайно горячо, темпераментно. И всегда можно узнать его письмо по нескольким абзацам. Я удивляюсь, что Игорь Золотусский до сих пор не написал о своем духовном наставнике, если позволительно так выразиться, о Белинском – это его автор. И мне кажется, что просто в темпераменте самого Золотусского есть яростность, злость, и боль, и увлеченность Белинского... Феликс Кузнецов, просто, можно сказать, маршал литературы, потому что он первый секретарь, а следовательно, глава московской писательской организации – это очень большое и сложное дело. Этого человека, этого критика отличает широта раздумий, особенно мне по нраву его работы, посвященные XIX веку, а сейчас по XIX веку пишется очень много. Его статьи и книги, посвященные борьбе идеологической, идейной и эстетической борьбе в литературе XIX века, мне представляются очень серьезными, работающими на сегодняшний день. Я не говорю о том, что он очень интенсивно работает в современной критике.

Лакшин сейчас занимается главным образом литературной, литературоведческой работой или, вернее, даже не литературоведческой, я имею в виду его большой труд об Островском. Это прекрасный критик, очень вдумчивый, яркий публицист, литератор.

С особой теплотой, с особой нежностью и признательностью я хотел бы здесь сказать о критике Борисе Панкине. Как критик он широко известен. Нет ни одной крупной литературной работы, по которой он не высказался бы, и высказался весьма основательно. Это и Айтматов, это и Распутин, это и другие крупные наши писатели. Но я ему особенно признателен. Дело в том, что в 1968 году вышел в «Новом мире» мой роман «Две зимы и три лета». Ну, и дела складывались не лучшим образом. Долгое молчание критики, затем, как всегда, наскоки... Меня всю жизнь (это не секрет, это все знают) обвиняют в.

сгущении красок, в очернительстве, в нигилизме, в том, что я не вижу ярких штрихов нашей жизни, и так далее. Начались наскоки на меня, и в это время в «Комсомолке» (а тогда Панкин был руководителем, главным редактором «Комсомольской правды») выходит статья «Живут Пряслины». Сразу Пряслины были выделены в первые ряды положительных героев, причем брал их на вооружение комсомол. Эта статья, конечно, придала мне огромные силы, она была большая, чуть ли не на всю газетную полосу. И о ней с восхищением говорил Александр Трифонович Твардовский, тогдашний редактор «Нового мира», который сразу же разыскал Панкина и завязал с ним трогательную переписку.

Хотелось бы мне назвать здесь еще критика, моего земляка, изучающего поэзию – Александра Михайлова, очень плодовитого критика и много знающего. И всегда пишущего с большим интересом; но всех критиков не перечислишь...

Я вернусь к первому тезису: критики у нас есть, вот видите сколько я назвал звезд. Но я по-прежнему повторяю, что критика, на мой взгляд, не относится к сильному жанру, к наиболее сильному жанру нашей литературы. Что меня не устраивает в критике? Ну, во-первых, как бы вам сказать, слова подходящего нет, вот такая мелкотравчатость, что ли, отсутствие зубастости, уж слишком много елеса в нашей критике. Даже, понимаете, некоторые критики забыли само слово «критика», она вылилась у нас под пером некоторых в некий дифирамбический похвальный жанр, и это, конечно, не очень хорошо. Но самая главная мол претензия к критике – мало проблемных статей. Рецензий очень много, критическая армия у нас большая. Но литература – это ведь всегда жизнь. И какова задача главная критики? Увидеть в самом литературном произведении те процессы, которые происходят в жизни, как они здесь преломлены и как они отражены. Об эстетической стороне литературы наши критики пишут очень неплохо, иногда даже очень хорошо. Но вот о жизни, о том материальном субстрате, который породил эту литературу, – об этом, к сожалению, часто забывают или отделяются самыми общими фразами.

А как меня жалует критика? Ну, это тоже длинный разговор, но я уже повторяю, как-то так получилось, что, несмотря на то, что везде клянусь – я хороший, я добрый, но это не всегда доходит до критиков. И часто меня подозревали, ну, я надеюсь, сейчас уже больше не подозревают, в том, что я, дескать, нигилист и очернитель. Конечно, все это сущая чепуха. Мои претензии и мой разговор о жизни идут от одного желания, чтобы в жизни было лучше, а чтобы это было так, – надо говорить о недостатках нашей жизни, а как же иначе лечить-то прикажете? Ведь это же первостепенная обязанность писателя. В меру сил своих я стараюсь это делать. Повторяю, что не всегда меня понимали, были по поводу меня разные документы в печати, критические статьи и прочее... И даже там, где раньше я был представлен как турист с тросточкой и так далее, сегодня уже видят гражданственность и самую активную позицию автора. Но это в порядке вещей. Я критикую, критикуйте и меня, почему же нет. Ну, конечно, критика неприятна, чего же, когда тебя ругают, радости мало, тут не надо в ханжество впадать, неприятно это. Но подумаешь... о чем там человек-то толкует? Прикинь. Да послушай, что люди вокруг говорят, которым ты доверяешь, а может быть, и в самом деле ты действительно, в общем, наломал дров. Значит, сам и сделай из этого выводы. Худо, когда у нас иногда облыжно, бездоказательно лупят просто дубиной по башке – вот это плохо.

Я считаю, например, моя лучшая работа, которую я сделал как писатель, это – роман «Дом». Но, к сожалению, молчание и выжидание и, так сказать, присматривание косым глазом, к этому я привык. И вдруг в одной уважаемой газете появляется статья, которая

вообще ставит под сомнение состоятельность этого произведения. И это, конечно, не то, что подрезало мне крылья, я бывал за свою жизнь в переплетях и не таких, но это на долгое время отвратило от романа... у нас же печать – это мощнейшее орудие. Даже иногда говорят: о, пусть он там пишет в газете... Позвольте, это не совсем безобидно: одно дело, когда правда, а когда дается лжеинформация, неправильное толкование вещи? Она же расходится по всем весям и градам нашей необъятной страны. А у нас в стране, и это очень хорошо, печать пользуется доверием, слову верят, как и раньше, в старину, раз слово – значит, правильно. Вот это надо всегда людям, работающим в газете, в журнале, в прессе учитывать, а в общем, чего же мне на критику обижаться? Критикой я не обижен.

– *Один критик написал о вас, что вы лечите болью, вы согласны с ним?*

– Ну, я думаю, что тут почти даже нечего рассуждать: лечат ведь двумя радикальными средствами – радостью и болью. Радость – великолепное лекарство, но у радости есть одна слабость. Она сильных укрепляет и окрыляет, а слабых убаюкивает и расслабляет. В то время как боль, боль... Сказать человеку вовремя о его слабостях, о его самочувствии, о его недостатках, о зародышах какой-то беды, или боли, или хворобы, которые в нем сидят, – это очень хорошо. Очень хорошо. Я лечу, по-моему, двумя средствами: мне кажется, что в моих сочинениях есть и радость, ну, конечно, конечно, есть и боль. Ну как же без боли, как же не болеть за свое родное, кровное? Хорош был бы я гусь, а? А еще к этому добавлю, что лекарства более действенны не сладкие, а все горькие, как правило.

– *Зачем в роман «Дом» вставлена новелла «Евдокия-великомученица»? Какая у вас была цель? Все-таки она кажется вставкой в композицию романа.*

– Не новелла, а три главы «Из жития Евдокии-великомученицы» – это действительно, роман в романе. Зачем он потребовался автору? В житии Евдокии-великомученицы, в жизни двух стариков – Калины Ивановича и Евдокии Савельевны – преломилась наша история, история нашего государства, со всеми нашими взлетами, порывами, мечтами, но и трагедиями. И когда завершал роман «Дом», то я, конечно, не мог не подумать об этом, потому что многие наши сегодняшние просчеты, ошибки, ну, мягко скажем, недоразумения – корни их в прошлом. Поэтому, завершая свою тетралогию, я должен был не только думать о событиях, которые сегодня совершаются у нас, но и окинуть своим умственным взором наше прошлое. Но, к сожалению, тут я не могу опять не пожаловаться: критики не хотят замечать или почти не замечают Евдокию, эти главы. Острые главы, конечно, они тревожат. Их читать, так сказать, нелегко. Это не чтение на сон грядущий. Это принципиальный разговор о нашей истории. Дело в, том, что сегодня вокруг истории нашего государства идет очень острая, непрерывная борьба: что эти шестьдесят с лишним лет – сплошная радость, шествие к лучезарному будущему? Или это сплошная чернота?

Сегодня высказываются два вот таких, резко противоположных взгляда. И за границей об этом говорится во всеуслышание. Зачем же нам уступать разговор о нашей истории нашим противникам делать вид, что этих проблем не существует?.. И так же Калина Иванович. Пусть этот старый большевик, который прошел через все, пусть он сам во многом идеалист, пусть он мечтатель, пусть он Дон-Кихот, но это Дон-Кихот, порожденный нашей советской действительностью. И чего же этого стыдиться? Не случайно Михаил и все братья Пряслины ходят к нему на исповедь, и он хотя изрекает одно-два слова, но его слушают. Потому что перед ними живая история. Мне кажется, это важно.

– Федор Александрович, хотелось бы услышать ваше мнение о современной молодежи.

– Значит, о молодежи. Это вопрос вопросов, об этом надо говорить и очень много, и долго, но я постараюсь быть кратким, если это вообще в моих силах. Ну, что молодежь? Прежде всего, молодежь у нас разная. Есть хорошая молодежь, и я эту молодежь встречал сам везде. Ну вот, начну со своей, прямо со своей родной деревни. Мой племянник Владимир, младший сын старшего моего покойного брата. Чудо же парень: механизатор, он и тракторист, он и сам машину водит, он и мотоциклист, он и дом отхлопал один, чуть ли не лучше всех в Верколе. Он – совесть, голубя не обидит, прекрасный парень. Единственный его недостаток – чрезмерная, как у его покойного отца, совестливость. И вот я знаю, что Владимир сейчас вместе с вами будет смотреть эту передачу, и я тебе, голубчик, не сердись на дядю, я тебе прямо скажу, все-таки себя тоже побереги маленько, а то что ж, нельзя же двадцать часов в сутки работать. Больного везти в район – он, доярок везти – он, за силосом ехать – он, старухе что-то сделать – он, и так далее. В общем, мне очень не нравится, что у тебя, парень, уже в двадцать семь лет радикулит. Твоего отца заездили с его совестью и тебя заездят.

В той же деревне три брата Абрамовых (у нас много в Верколе Абрамовых), моего приятеля Петра Александровича дети – три механизатора, один другого лучше; очень хорошие ребята у Геннадия Васильевича Белоусова. У нас в Верколе растет сын вдовы моего покойного приятеля Абрамов Виктор Константинович – очень хороший парень. Из самых молодых мне очень нравится сын управляющего Ваня Серебренников.

Вот возьмите театральную молодежь. Казалось бы, с театром всегда у нас связано представление о богеме и прочих вещах. Те ребята, о которых я рассказывал, – это сама чистота, которой может позавидовать кто угодно. Возьмите школьников: недавно я получил от школьников литературного клуба письмо и получаю две книги – свои книги. «Федор Александрович, нашему дорогому Юрию Максимовичу Чухненко в ближайшее время исполняется круглая дата, мы очень хотим, чтобы вы поставили свой автограф». Я, конечно, если бы они обратились ко мне, все книжки отправил бы, какие у меня есть, а тут трогательно: где-то нашли эти книжки, купили и, более того, сделали секрет: «Ни в коем случае об этом никого не оповещайте». И тут же приложена фотография. Великолепные ребята с прекрасными жизнерадостными лицами. И среди художников знаю прекрасных девушек. Я уже не говорю о наших строителях на БАМе, где я не был, но о котором много читал, о строителях новостроек – много, много хорошего.

Но я не буду убаюкивать молодежь, мне не все нравится в современной молодежи. И буду говорить совершенно откровенно. Самый главный недостаток, который я замечаю, – у нашей молодежи нередко не хватает молодости. Молодости в смысле идеализма в высшем понятии этого слова, в смысле идеалов, в смысле порывов, в смысле романтики, в смысле устремлений к высшему. Слишком много практицизма, слишком много внимания к бараклу, к барахольщикам, слишком много, ну, не слишком, – я сгущаю краски по обыкновению; встречаются, выразимся культурно, элементы жестокости, о которых пишут в газетах, недоброты, действительно, с этим часто встречаешься. Но тут я меньше всего готов винить саму молодежь, я думаю, во многом виноваты прежде всего родители... Нет должной требовательности, взыскательности. Я на нынешних родителей просто смотреть не могу, тошнит. Понимаете, как они берутся, как они нянчатся, как они ползают на брюхе вокруг своего чада. И тут, сколько лет, сколько десятилетий у нас живет один и тот же, так сказать, афоризм: мы худо жили, пусть поживут хоть наши деточки.

Так вот, дорогие родители, дорогие товарищи папы и мамы, ваши дети не будут жить хорошо, они будут жить плохо, потому что так воспитываете поросят, эгоистов и прочее.

Самая главная основа в воспитании молодежи, в делании молодежи – это трудовое воспитание, а есть ли оно у нас? Есть. Опять-таки сошлюсь прежде всего на свою деревню, на свой район. Я, например, замечаю: в Комарове под Ленинградом дети летом, целое лето томятся в пионерских лагерях. Это же ужас! Ничего не делают, едят-пьют, в лучшем случае раз-два физкультуру делают и так далее, еще что, ну, в лучшем случае пробарабанят, в лучшем случае линейку проведут, но боже мой, если бы мне предложили повторить снова мою юность в этих формах, я бы сказал: нет, не надо, благодарю вас. У нас в деревне тоже паразитов малолетних хватает, а все-таки, скажем прямо, ученические звенья, которые работают в моей родной деревне, в Верколе, работают целое лето. Особенно хорошо это дело поставлено в таком прославленном совхозе, коему голова мой друг и приятель Александр Иванович Галышев, в Суре. Там чуть ли не тридцать процентов сенокосных страдных работ выполняют ученики средней школы. Братцы мои, я с шести лет начал косить, я с шести лет начал работать. Иной сегодняшней восьмилеток – так достань, дядя, воробышка. Это же отнимает радость у ребят. Трудовое воспитание – это даже понимают темные капиталисты... Там до восемнадцати лет человека кормят, папа и мама кормят, а потом ауфвидерзейн, оревуар, до свидания, вставай на ноги. Сынки миллионеров работают летом официантами, зарабатывают деньги. Почему бы у нас всем фронтом не насаждать это трудовое воспитание? Я этого не понимаю. Тут можно говорить много, это претензии всем родителям, но я не снимаю ответственности и с молодежи, я не намерен гладить по головке и молодежь, молодежь тоже виновата... Я со многими разговаривал: почему так? А у нас не организуют, а нам что. Так вы что, голубчики, что вы за молодежь, вы ждете, что вам воткнут в одно место шприц и введут вакцину молодости? Да что же это такое? Молодежь потому и называется молодежью, что она призвана омолаживать мир, заражать своей неумемной энергией, беспокоить! И заражать всех и вся, нас, стариков, зеленым цветом молодости.

– Хотелось бы как-то поконкретней услышать, в чем вы видите причину все увеличивающихся разводов среди молодежи? И что вы хотели бы пожелать будущим молодоженам конкретно?

– Братцы мои, лично не разводился и не собираюсь разводиться, хотя моя жена – отнюдь не золото. Вопрос очень серьезный, я тоже считаю, что во многом виноваты родители... Мало требовательности к молодежи. Я замечаю, особенно в среде, близкой мне: некоторые папы и мамы не могут дождаться, когда сынку и дочери исполнится восемнадцать-девятнадцать лет, чтобы понянчиться и покачать внучку. И женят. Вы развлекайтесь, а нам дайте внучку, а там как хотите – слюбитесь – хорошо, а не слюбитесь – ну что ж... я думаю, что это идет (об этом уже у нас говорили и писали) от чрезмерно затянувшегося инфантилизма нашей молодежи, что, в свою очередь, объясняется одним – малой требовательностью к молодежи, отсутствием какой-то самостоятельности и самоинициативы среди молодежи.

– Какую роль в вашей жизни занимают музыка, живопись, поэзия?

Занимают очень большое место. В живописи у меня есть очень надежные учителя, авторитеты, которых я очень люблю. Это наш выдающийся художник Андрей Андреевич Мыльников. Очень люблю я работы второго нашего ленинградца Моисеенко. Совсем в другом духе пишет Шаманов, Шаманова люблю. Очень ценю работы, которые, к

сожалению, не получают должного выхода к зрителю, работы моего друга, очень серьезного, думающего, мыслящего Евгения Мальцева. нравятся мне некоторые работы художника, имя которого не очень громко звучит, а для некоторых совсем не звучит – Федора Мельникова. Я просто оплакиваю недавно и так трагически и так нелепо скончавшегося Попкова, с его удивительными северными полотнами. Вообще о живописи я могу вам говорить много, я страшно люблю живопись, русскую живопись двадцатого века и считаю, что это одна из вершин в мировой живописи, тоже до сих пор на Западе недооцененная. Удивительна живопись XX века! На эту тему можно много говорить.

В музыке я не ахти как образован, хотя очень люблю; к сожалению, до сих пор не могу сделать обязательным для себя регулярное посещение филармонии – это большой пробел: что без музыки за жизнь! Среди музыкантов, сегодня работающих, я особенно бы отметил Георгия Свиридова, музыканта, конечно, выдающегося и очень разнообразного, глубокого и какого-то духовного, в традициях которого живет духовная музыка нашего русского средневековья, русского возрождения, которое мы только что для себя недавно открыли.

Поэзия. Ну, без поэзии куда и вся литература, в том числе и проза? Проза – постольку литература, поскольку она поэзия. В поэзии я мог бы назвать... обождите, тут надо маленько подумать. Ну, видите ли, в поэзии сегодня, я бы сказал, некая наблюдается пауза, некое затишье, а в 50-е годы взрыв был: поэзию читали на стадионах... Сегодня мы наблюдаем некий штиль на поэтическом море, хотя пишут у нас этих стихов просто необозримо и нечитаемо.

Поэзии маловато сегодня. Ну, кого бы я назвал из наших поэтов? Прежде всего назвал бы Андрея Вознесенского. Его можно упрекать за излишнее экспериментаторство, хотя литература, живопись да и поэзия без экспериментаторства невозможны, но это поэт очень большой, яркий... в необычной форме, поэт, в котором очень ярко, современными средствами, средствами НТР выражен дух нашей эпохи. Конечно, Андрей Вознесенский выражает одно из направлений нашей эпохи, она богаче, и нельзя в Андрее Вознесенском искать все и вся, этого не бывает...

Очень люблю, не пропускаю ни одного стихотворения Юрия Кузнёцова, Владимира Соколова, Анатолия Жигулина, оплакиваю и каждый раз рыдаю над стихами, особенно последними, так рано скончавшегося Николая Рубцова. Очень дорога мне, очень нежно люблю я Ольгу Фокину, которая мне представляется нашим самым ярким поэтом из женщин. Можно говорить очень много. Но будем надеяться, что мы живем в состоянии некоего затишья, которое разразится поэтической грозой.

– Еще вопрос, вот вы говорили здесь о живописи, о поэзии, о музыке, хотелось бы, чтобы вы немножко сказали о Шукшине, о его слове, о живописи словесной, о его раздумьях над жизнью, о вашем отношении к нему как к человеку и к художнику.

– Понимаю вас, хотя мне нелегко ответить. Я очень ценю Шукшина – необычайно яркая личность, редкая личность для нашего времени в смысле многогранности: и актер, и писатель, и режиссер, и все в одном лице, и не случайно память о нем так нежно сохраняется в сердцах нашего народа. Он стал просто народным героем. Ну, что касается его литературного наследия, то я бы сказал так: у него немало хороших, прекрасных рассказов, но немало и просто зарисовок на ходу, и он сам в этом отдавал себе отчет и осознавал, потому что писал он на ходу, второпях. И в последнее время он на эту тему достаточно сам высказался. Нельзя, очевидно, все совмещать и везде успевать одинаково блистательно. Это он понимал и стоял на пути выбора. Что касается его крупных вещей:

«Любавины», роман «Я пришел дать вам волю», сценарий о Разине, «Энергичные люди», то я не буду врать – грех врать в искусстве, грех врать вообще – я считаю, что эти вещи еще нужно было бы вынашивать, и обкатывать, и выстраивать, и углублять. Вот мое отношение.

– *Борис Пастернак сказал: «Быть знаменитым некрасиво, не это поднимает ввысь», и согласны ли вы с этим?*

– Я никогда этого не понимал, почему быть знаменитым некрасиво? Эту фразу я хорошо знаю, и я немало над ней и задумывался, и прикидывал и так и этак, не буду вас посвящать в ход своих рассуждений, потому что записок много, поверьте мне: это было предметом моих немалых размышлений, но так к определенному выводу я и не пришел.

– *Как вы соедините гуманизм Пушкина с его строками в «Евгении Онегине»: «...кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей»?*

– Ну, ничего тут страшного нет, это не универсальное, не глобальное презрение, кого-кого, а уж Пушкина в человеконенавистничестве заподозрить никак нельзя, это был величайший жизнелюб и величайший был человеколюб... Пожив, особенно с мое, становишься немножко – и это признак, если хотите, ума, – становишься скептиком во всех отношениях, в том числе и в отношении человека, его природы. Человеческая природа – невероятно сложная штука. Мы говорим: человек звучит гордо, нет ничего прекраснее, царь природы – все это верно. Но ведь и нет в живом мире таких падений глубоких, кои наблюдаются среди людей. Короче говоря, природа человека у нас еще очень мало изучена, как это вам ни покажется диким и странным: казалось бы, о чем писать, о чем думать нам и размышлять, – прежде всего о том, что такое человек. И мы, конечно, думаем, всю жизнь думаем, но, к сожалению, я должен вам со всей откровенностью сказать, что, может быть, менее всего изучен и понят человек. Это и огорчает, но это и лишний раз убеждает в неограниченной красоте, в многообразии и богатстве того существа, имя которому человек.

– *Федор Александрович, скажите, пожалуйста, произведения каких писателей современности, нашего времени кажутся вам наиболее действенными?*

– Действенными? Ну, этот вопрос, наверное, проще может быть сформулирован: просто какие произведения мне кажутся наиболее хорошими. В общем, я вам ничего не открою нового, я примерно ценю, вероятно, то, что цените вы. Ну, кого я ценю из современных писателей? Я просто перечислю; прежде всего, конечно, мне очень близки и я очень люблю так называемых писателей-деревенщиков, потому что эти писатели в своих произведениях говорят об очень серьезных вопросах не только нашего сегодняшнего бытия, но они говорят о наших нравственных истоках, они задумываются о таких понятиях – откуда что пошло, к чему это придет и так далее и так далее. Некоторые этак снисходительно, по глупости большой, смотрят свысока – ну, деревенщина, и название само «деревенщики». Я, например, горжусь, что я из деревни. Потому что человек, который родился в городе, всю жизнь живет в городе, ведь он же обворован жизнью, он не знает по-настоящему мира природы, он не знает животных, он не знает рек, воды, трав, он не знает по-настоящему сказок, былин, всей духовной основы своей нации, он живого слова, родников, бьющих оттуда еще бог знает из каких языческих глубин, – ничего этого он не знает. Кичиться горожанину перед деревенским нечего. Деревенский человек всегда нагонит горожанина, горожанину деревенского в познании и богатстве своих чувств не нагнать.

Так вот, кого я люблю, кого я ценю из современных писателей? Это Василий Белов, это Распутин, это Астафьев, это Солоухин, это Залыгин, это Борис Можаев, это Евгений Носов, это Тендряков, это молодая поросль – Личутин, хороший, подающий большие надежды мурманский писатель Виталий Маслов... старейший наш самый великолепнейший Гаврила Николаевич Троепольский.

Но я не свожу нашу литературу только к деревенщикам, есть у нас великолепные вообще писатели: покойный Трифонов, это огромная потеря, Павел Филиппович Нилин, явно недооцененный при жизни человек и писатель. «Жестокость» – это выдающееся произведение, которое, может быть, само было какой-то отсчетной меркой в наш литературе. Всю деревенскую литературу выводят из Овечкина, это не совсем правильно. Вся послевоенная психологическая городская литература, с обостренным чувством нравственных вопросов, с оценкой тех или иных периодов истории, я считаю, что она почти вся пошла от Павла Филипповича Нилина и прежде всего от его такой великолепной вещи, как «Жестокость».

Я бы мог назвать еще писателей... Даниил Гранин, Быков, Айтматов и много, много других. И, конечно, Шолохов был и остается самым выдающимся писателем нашей страны, а я бы даже сказал, нашей эпохи... Много писателей в наших республиках:

Сейчас существует точка зрения, что центр мировой литературы сместился, перешел в Латинскую Америку. Я это только отчасти разделяю. Мне хочется самым горячим образом защитить те ценности, при всех, так сказать, наших огрехах, слабостях и недостатках (это бывает во всех литературах), которые вырабатывает советская литература. И как в девятнадцатом веке духовный центр мировой литературы находился в России, так он остается пребывать и сегодня.

– Федор Александрович, как вы относитесь Шергину и к Писахову, не считаете ли вы, что они несколько забыты?

– Это два писателя, которые связаны с Севером, и действительно они если не забыты, то подзабыты. Это, конечно, крупное явление в нашей литературе. И тот, и другой порождены Севером, русским Поморьем, поморами, создавшими особую морскую, бытовую и прочую культуру, Поморьем, которому мы обязаны, в общем, открытием Сибири и многих, многих земель, Севером, который сыграл исключительную роль в судьбе России. И Борис Шергин – это удивительнейший творец, удивительнейший словотворец. К сожалению, я виделся с ним только раз, это был святой человек. Он жил все время в Москве, Москва его и не заметила, хотя, может быть, это был первый словотворец на Москве по силе слова, по душевности, по сердечности, по доброте, по милосердию и состраданию.

Писахов – это и художник, известный художник-северянин, это литератор, создатель знаменитых сказок с центральной фигурой Сени Малины. Я об этом писал в статье к столетию, не буду повторяться, но только, чтобы вы почувствовали, что это за фигура, масштабы этой личности и художника, вот так скажем: вы Андерсена знаете, об Андерсене все твердят и переиздают... Братьев Гримм тоже переиздают. Так вот, по размаху фантазии среди сказочников мира первого десятка Писахов занимает особое место. Такого разгула фантазии, такого невероятного вранья, заливанья, такой невероятной изобретательности, таких взлетов фантазии; да и такого слова, которое сочтется всей мудростью и красотой народной, поискать – вот кто Писахов. Писахов – великий сказочник, и не знать его стыдно.

– Федор Александрович, вы много писали о деревне, а не было у вас желания написать о жизни города? Ведь вы прожили в Ленинграде не один год, неужели он вас не вдохновил на какую-нибудь тему?

– Да, вопрос, упрек, конечно, справедливый. Но это не совсем верно. Надо о городе тоже писать. Да, надо, но сердцу не прикажешь. А писатель – это сердце... Извилины работают очень напряженно, должны работать, но всем распоряжается в писательском хозяйстве сердце, интуиция, какая-то внутренняя подсказка. У меня есть задумка написать о городе, даже где-то робко его ввожу, но это не очень хорошо получается, ну, а потом я весь переполнен по-прежнему деревней. А что значит – деревней я переполнен? Я переполнен Россией, периферийной Россией, на которой держится вся наша городская жизнь. Мы в городе, может быть, только плоты плавучие в этом народном море, океане, который называется Россия. Так что, мне кажется, пусть кто о чем хочет пишет, главное, чтобы в его писаниях ощущалось время и ставились вопросы и проблемы, которыми мы с вами живем.

– Федор Александрович, в зарубежной прессе часто пишут о том, что с развитием техники наступает закат ... и голубой экран постепенно заслоняет печатное слово, вот как бы вы, писатель, разубедили людей, не верящих в бессмертие книги?

– Одно время я тоже разделял опасения такого же рода, что настанет время и не потеснит ли голубой экран книгу? Но время показало, что нет. Это не мешает, и не только у нас (у нас читаемость не снизилась, а увеличилась). Мне приходилось говорить на эту тему и за границей. Одно время была волна, – все захлестывало кино. А вот сейчас итальянцы, например, жалуются, что не затащишь никого в кино, прогорают театры, а книжка, книжка – она не прогорает при условии, если она хорошая книжка. Вот тут мало надо: только напиши хорошую книжку и, братцы мои, успех обеспечен, тебе не надо беспокоиться... И картину хорошую экран не потеснит, мы в этом тоже убедились, на хорошую выставку отбоя нету, очереди стоят. В общем, ничто хорошее ничем не вытесняется.

– Федор Александрович, скажите, пожалуйста: вы много говорили о живописи, о музыке, о печатном слове, а как вы относитесь к советскому кинематографу? Какой из режиссеров может быть более близок вам по духу?

Советский кинематограф богатый, и тут бы мне пришлось называть очень и очень много имен. Я сам до войны, и во время войны, и после смотрел каждую картину, сейчас я уже не смотрю несколько лет. Как-то не получается со временем, хотя летом смотрю. Мне из нынешних работ в нашем советском кино особенно нравятся работы грузинского кинематографа. Я не читаю специальную литературу, не знаю, что там говорят за океаном и за морями, но я с восторгом отношусь ко многим работам грузинского кино. Я считаю, что оно переживает сегодня ренессанс, что это одна из самых, если не самая яркая страница в нашем, в мировом кинематографе. Я назову прежде всего «Несколько интервью по личным вопросам» – такой красивый, такой культурный, такой деликатный разговор о самых сложных вопросах эпохи; такой содержательной, насыщенной картины я просто не знаю, я сегодня затруднился бы назвать где-либо за границей... А игра артистов, скажем, Софико Чиаурели играет просто великолепно. Это удивительная игра! Или другая картина, «Древо познания», опять Софико играет, я и не узнал ее, мне после растолковали, что это она играет. Это совершенно великолепная работа, в своем национальном и в то же время общечеловеческом духе...

– Какие процессы современной жизни вам кажутся наиболее важными?

– Я бы сказал, что это процессы и глобального порядка, и нашего внутреннего порядка, союзного, а еще, скажем, уже российского порядка. Ну, что касается глобальных процессов, тех процессов, которые втягивают в свою орбиту все человечество, весь мир, всю нашу планету, то это прежде всего вопросы мира, войны и мира, тут, так сказать, споров на этот счет не может быть, и, конечно, все зависит от решения этого коренного вопроса, и, конечно, мы не только каждый внимательно следим за этим, но в меру своих сил делаем все для того, чтобы дело мира восторжествовало. К глобальным вопросам, относится и проблема народонаселения. Вы народ грамотный, читающий, вы знаете, что по предсказаниям некоторых демографов через двадцать или через двадцать пять лет население земного шара увеличится в два раза. Задумайтесь, что это такое, какие проблемы, какие вопросы, какие трудности возникают перед человечеством: это жилье, а значит – современные города, число домов нужно удвоить, это проблема питания, это проблема обеспечения водой, которая сегодня становится очень ценным, так сказать, минералом на земле, это многие, многие другие вопросы. Это проблема распределения материальных благ. И вот в этой связи я хотел бы всем вам порекомендовать прочитать книгу римского публициста Аурелио Печчеи «Человеческие качества», это президент римского клуба, о нем я не буду распространяться. В этой книге много спорного. Он, например, ставит вопрос так: чтобы человечество смогло выжить, оно должно радикально изменить свою природу. Это, конечно, чистая утопия, это нереально, но, помимо утопических воззрений, в этой книге огромная информация, много всяких сведений и рассуждений. Мне особенно показалось привлекательным предложение, которое он выдвигает перед людьми: самая насущная потребность нашего времени – это необходимость установления минимума и максимума потребления, железная необходимость ликвидировать тот чудовищный разрыв, который существует между отдельными людьми, отдельными группами, сословиями и классами в обладании материальными богатствами. Вот это, так сказать, на тему о глобальных проблемах, которые стоят перед человечеством.

Что касается внутренних проблем, чего уж тут говорить, вы сами все понимаете, их очень много. Это устройство прежде всего Нечерноземья, так принято, так называют часто сегодня коренную Россию, откуда пошло наше великое государство. Это дороги, прежде всего, это устройство земель, это устройство жилья деревень... – много, много вопросов – это, наконец, вопрос о русском лесе, который нещадно вырубается, это вопрос о русских реках. Это вопрос о водах, о животных и это вопрос, наконец, о тишине. В общем, вопросов очень много, и все их надо решать, но их можно решить только при одном условии, и на это мне хотелось бы обратить ваше внимание – при условии решительного искоренения, решительной борьбы с пассивностью, равнодушием и безразличием, которые еще бытуют в нашей жизни.

– *Какие у вас были самые горестные и самые радостные моменты в жизни?*

– Тут придется касаться «автобио». Самый первый и самый горестный момент в моей жизни связан с 1932-м годом. В этом году я окончил начальную школу. Окончил первым учеником (без хвостовства). Казалось бы, первому ученику должны прежде всего раскрыться двери в школу. А тогда как раз у нас впервые на базе нескольких деревень была создана первая в вашей округе пятилетка. И вот приняли всех детей бедняков, детей красных партизан, хотя все мы были уже в колхозе, колхозниками, а меня, первого ученика, не приняли. Потому что я был сын середнячки. Когда умер отец, нас у матери осталось пятеро. Мал мала меньше, старшему пятнадцать, младшему – второй год. И отец

оставил нам немного, наследие небольшое: коровенку и полизбы. А к 1930-му году, к моменту вступления в колхоз, мы были одной из самых состоятельных семей в нашей большой деревне. У нас было две коровы, две лошади, жеребенок, бык, штук десять овец, и все это сделала, сотворила наша детская колония, наша детская коммуна. И вот это было поставлено в вину мне... Это была страшная, горькая обида ребенку, для которого ученье было – все. Но все, в конечном счете, в этом лучшем из миров кончается благополучно, и зимой меня все-таки приняли в пятилетку.

А самый радостный момент? Ну, радости много было в жизни. Радость – это когда выходит книжка, это когда мысль хорошая придет в голову, радость, когда хорошо выплещешься, когда встретишь интересного человека. Но самая большая радость в моей жизни – это то, что я прошел через войну и остался жив. А на войне мне пришлось повидать много. В 41-м году, когда добровольцами мы все пошли (за немногим исключением, кто поехал держать оборону под Ташкентом) на фронт... В общем, у нас уходило сто с лишним ребят с курса, большой был курс, а вернулось человек девять, в числе их я. Мне страшно повезло, конечно, я был в переплетах самых ужасных: так, через Ладогу пробирался уже в апреле месяце, там машина одна впереди, с ребяташками блокадными, другая – с ранеными сзади, пошли на дно. Наша машина как-то прошла под пулеметами и под обстрелом, под снарядами... Страшно много случайностей, в результате которых я оказался жив. Это надо рассказывать очень долго, и вот для меня самый великий праздник, тут уж я открываю прописные истины, это, конечно, день Победы.

Ребят, которые со мной ушли на фронт, нет в живых. Но они и мертвые помогают мне жить. Сколько бывает огорчений, сколько невзгод в жизни, когда чуть ли не в петлю готов залезть, но вспомнишь, что ты остался в живых, что все ребята, твои товарищи, погибли, может быть, самые талантливые, может быть, гениальные ребята... Мы подсчитали – двадцать миллионов, и то неточно. Двадцать миллионов или больше, мы не знаем, сколько погибло. А кто подсчитал, сколько погибло талантов, гениев? Как осиротела из-за этого, оскудела наша советская, русская земля. Это не подсчитано. И поэтому для меня всегда самое первое утешение, что я живу и я должен жить и работать не только за себя, а и за тех, кого сегодня нету.

– *Федор Александрович, а каким бы вы хотели видеть, каким должен быть современный учитель?*

– Мне кажется, что одна из главных проблем, которая должна занимать нас, наше внимание, общественность – это школа. Ну, я не буду говорить, все уже признано давно, что школа наша лучшая, процветает, и так далее и так далее. Я буду говорить о недостатках наших школ. И мне кажется, недостатков немало. Ну, первый вопрос, дикий вопрос совершенно, для меня, по крайней мере, дикий. Некоторые или даже многие ребята не хотят учиться сегодня. Это я не выдумываю, с этим я сталкивался, встречался. Да что это такое? Отвращает, глаза колет свет? Как это могло получиться? Очевидно, в школе не все благополучно.

Ключевая проблема школы, что бы мы ни говорили, – это учитель. К сожалению, у нас в учителя идут далеко не все по призванию, далеко не все отвечают высоким требованиям. Надо сделать так, чтобы в школу шли, в вузы педагогические, только по призванию. А это можно сделать, это в наших силах.

И второе, тоже об учительском корпусе. Пора кончать с безотцовщиной в школе. Я не хочу ничего плохого сказать о нашей учительнице, но у нас учат детей исключительно женщины. Это нехорошо. Мы знаем, как страдает семья, когда в семье нет отца, хозяина.

Но ведь и школа страдает. Раньше ведь этого вопроса не стояло, а сегодня в какую школу ни зайдешь, почти сплошь одни женщины. Повторяю, ничего не хочу сказать плохого о женщине. Прекрасные учителя! Но не хватает мужского духа в школах. И учителя я хотел бы видеть такого таланта, как мой Алексей Федорович Калинин. Такие таланты встречаются не часто, но брать пример с них, но поставить их перед собой, как свечу, – это надо. И задача родителей – укреплять авторитет учителя. У нас совсем плохо обстоит с этим делом. Вот Алексея Федоровича чттили потому, что тогда страна была неграмотна. А сейчас папы и мамы все грамотные, и они в доме, при ребенке далеко не всегда похвально говорят об учителях. Это непедagogично. Но, с другой стороны, надо предъявить требования и к самим учителям. Я, например, не мыслю, чтобы какая-нибудь учительница в 20-30-е годы позволила, чтобы в ее присутствии раздавалась матерщина. Этого не могло быть, она бы кинулась на этого хулигана. Да и хулиган поопасся бы. А сейчас заходишь в сельский клуб, я уж не говорю о городском, там: то же самое, заходит учительница, и гнут перед ней направо и налево, а она – «хи-хи, ха-ха». Нельзя позволять, нельзя забывать, что ты учительница в самом высоком смысле этого слова. У учителя отпусков на неучительское время не бывает.

– *Как вам представляется будущее деревни и русского крестьянина?*

– Вопрос очень серьезный. Ну, конечно, проще всего вам бы обратиться с этим вопросом к министру сельского хозяйства. У него в руках вся цифирь, все планы, все прогнозы на будущее, плюс к тому – армия научных работников. Можно было бы, конечно, обратиться к нашим социологам. Они очень точно подсчитали, что, скажем, опоздания на работу понижают производительность труда. Можно было бы, конечно, попытаться фантастов. Они любят фантазировать о будущем и прогнозы строить. Но если говорить по моему собственному разумению, как мне представляется проблема, то я бы сказал так... У деревни существуют два пути. Или, проблема деревни, проблема крестьянства имеет два решения.

Первое решение – деревня кончается, деревня исчезает с лица земли и уходит в небытие, и чем это скорее произойдет, тем лучше. А что взамен? Взамен агрогорода, агрокомплексы. Короче говоря, промышленное сельскохозяйственное производство, полная, полнейшая механизация, без всяких сантиментов. Буренушка там... никаких буренушек, доильная машина, «биологического», так сказать, строения – полная механизация, полная машинизация. Есть в этом резон, в таком подходе к сельскому хозяйству? Есть резон. И такой путь развития сельского хозяйства дает неплохие плоды.

Возьмите Америку. Я своими глазами видел в бытность свою в Америке – действительно, там никаких сантиментов не существует. Я был там и на крупных ранчо, то есть огромных фермах, на средних и на мелких, которые стоят на грани исчезновения. Меня все интересовало, и я ездил по этим фермам. И вот я на средней ферме... все там камень, все железо, упитанные коровы и прочее и прочее. Я спрашиваю хозяина: «Ну, а вы знаете всех их по именам? Коров?» – «Как по именам? Зачем?» Я говорю: «У нас и сейчас доярки: Буренушка, Мальва, Ольга, кто как изощрится, такое имя и называют, и чешут, и ласкают». – «Ну, что за глупости, конечно же, я не знаю имен и коров не знаю. Коров я знаю только больных, которые заболели и которые перестали давать мне молоко. Сразу принимаю меры, я замечаю, отличаю здоровую от больной коровы, и этим отношения человеческие с коровой кончаются». Это вот американский путь. Может быть, несколько в огрубленном виде.

А второй путь, – этого пути придерживаются многие писатели-деревенщики, в значительной мере его разделяю и я. И этот путь практически осуществляется в ряде стран. Скажем, успешно осуществляется в Чехословакии, хорошие результаты он дает в Венгрии. Этот путь заключается в том, чтобы деревню сохранить. Конечно, с введением всех, так сказать, благ цивилизации, городского быта и так далее. Но деревню сохранить. Почему это важно? Дело не только в материальной стороне дела... Деревня русская – это ландшафты, наша Родина, мать и прародина всего. Дело в том, что исчезновение связей, утрата связей человека с животным, с землей, с природой, она может обернуться очень серьезными последствиями. И в Америке эти последствия еще не изучены. Они еще не знают, что дадут полная механизация, машинизация. Они могут обернуться очень серьезной стороной для человеческой природы. Потому что земля, животное, общение с ними – это один из главных резервуаров, из которых черпается человечность, строится человечность в человеке. Исчезнут эти отношения любви, доброты с животными и землей, повторяю, неизвестно, чем это кончится. Не отразится ли это вообще на самой природе человеческой и не поведет ли к каким-то очень серьезным и непредвиденным изменениям национального характера?

– *Дорогой Федор Александрович, что заставило вас написать открытое письмо землякам «Чем живем-кормимся»?*

– Это речь идет о письме, которое было опубликовано в районной газете «Пинежская правда», а затем перепечатано в газете «Правда». Это два года назад.

Что заставило написать это письмо? Толкнула меня на это дело прежде всего жена, неисправимая идеалистка, которая до сих пор верит, что словом, писательским словом можно многое изменить в этой жизни. Конечно, были и другие мотивы. И самый главный из них – это равнодушие, безразличие, которое я наблюдал в нашей жизни и с которым нередко сталкиваюсь. И тут речь идет не только о моих земляках. Письмо адресовано не только моим землякам, оно шире. А если говорить о моих земляках, то Пинежский район среди районов и сел Нечерноземной полосы – это процветающий район. У нас, например, триста дворов в Верколе самые новенькие, все выкрашены краской, у каждого холодильник, у каждого всякая техника. Но в то же время часто видишь: в поле зашли лошади – никто их не прогонит, не выгонит... роскошный луг, рядом дорога, нет, хочу в сырую погоду на тракторе по целине... Двадцать семь женщин или двадцать сидели пять лет дома, потому что не было достаточно детских мест в яслях. Сама деревня не благоустроена. И вот я поговорил как-то раз с Поздеевым Михаилом Григорьевичем, секретарем райкома – человек он опытный, умный, пятнадцать лет правит Пинегой. Я говорю: не кажется ли вам, что надо бы немножко подтолкнуть наших людей, ведь северяне всегда отличались добронравием, всегда работали хорошо, а тут такая расхлябанность... Что если я напишу письмо? «Согласен. Писателей на Руси ценят и к писательскому слову у нас прислушиваются, возьмем на вооружение в нашей пропаганде».

Ну, я накатал это письмо, открытое письмо к землякам. И, конечно, сам в страхе... что мне скажут земляки?

Представьте себе, выходит газета, я ни жив, ни мертв, и ко мне является депутация старух: «Спасибо, Федор Александрович. Давно знаем, что вы писатель, а вот что настоящий писатель, узнали только сегодня». Короче говоря, жизнь взбурлила просто. По всему району – сельские сходы, везде обсуждают, потому что есть же честные люди и немало их, надоел беспорядок, надоела безалаберщина, ведь от нас многое зависит. У нас

все в деревне закрутилось... С риском в клуб попадали. Крыльцо отремонтировали. Школа, как сарай, была, без вывески – вывеску наколотили. За два месяца ясли построили. Много сделали. Телята дошли на телятнике, – построили новый телятник и еще много, много... Письмо, конечно, подхватили. Но некоторым товарищам показалось, что у нас и так инициативы хоть через край, нечего о развитии инициативы народной беспокоиться. Короче говоря, письмо должного обсуждения не получило.

Я должен сказать, что оно как-то не было понято и многими писателями. Некоторые просто обиделись на меня. Спрашиваешь, но с кого спрашиваешь? Ты с народа спрашиваешь, а надо с начальства спрашивать. Нет, в начале письма я говорил: с кого же в первую очередь спрос за эту нерачность? Конечно, спрос в первую очередь с райкома, с дирекции совхоза и так далее. Но имеет ли при этом к делу отношение рядовой человек, он за что-нибудь отвечает или нет? Или моя хата с краю? Или мы ждем, как в некрасовские времена бабушка Ненила: вот приедет барин, барин нас рассудит? Все упования на барина. Мы ни при чем, моя хата с краю, я ничего не знаю? По этому принципу многие живут. Конечно, надо требовать с руководства, с начальства, на то оно и начальство, за то оно и денежки получает. Надо спрашивать. Оно несет ответственность. Но до тех пор, пока мы сами, каждый из нас, каждый рядовой человек не поймет, не установит для себя непреложным законом, что все дела – это мои дела и что большой наш дом строится только общими усилиями, по крайней мере, дом – деревня, до тех пор мы ни чего не изменим. Вот каков смысл был этого письма. И этой идеи, идеи народной инициативы, активности придерживаюсь всегда, и если есть такой писатель Абрамов, то его главное кредо: будить, всеми силами будить в человеке человека.

– *Не кажется ли вам, что в романе «Дом» образ Михаила Пряслина принижен? Не теряет ли он какой-то нравственный стержень?*

– Не кажется. Наоборот, мне кажется, что он оброс костяком. В «Путях-перепутьях» Михаилу двадцать лет, затем проходит двадцать лет, и в «Доме» Михаил уже здоровенный мужчина – сорок четыре года. У него нет такого романтического взгляда на жизнь, розовой дымки в глазах, какая была раньше. Он судит более трезво, жестко и практично. И это вполне понятно.

Не теряет ли он при этом нравственный стержень? Да нет же. Михаил, по словам Лизы, объявил состояние войны со всем Пекашином, которое временно попало в объятия прощелыги Таборского. Михаил – опора всех сирых и слабых, старух, и так далее. Михаил – образец в работе, не щадит себя... Отношения с Лизой? Конечно, желательнее бы лучше, но ведь надо же понимать, что он расценивает Лизу с точки зрения самого высокого нравственного максимализма. И то, что у нее только что погиб сын и вдруг появляются двойнята, ведь он же не знает, как все это произошло... Разве он может спокойно к этому отнестись? Еще не все смотрят так: ага, ты сегодня с одной, завтра с другой, ладно, ничего. Нет, извините... Но, конечно, прилипло к нему немало пыли, грязи за эти двадцать лет. Но дело-то в том, что в конце происходит великое самоочищение ценой потери, может быть, самого дорогого, самого близкого и самого святого для него человека: Лизы, сестры. Он снова становится Пряслиным, снова становится человеком, способным вести за собой семью, и не только семью.

– *Каким представляется вам лицо сегодняшнего мещанина?*

– Ну, такого мурла мещанина, как у Маяковского, Зоценко, нет. Сегодняшний мещанин очень образованный. Это прежде всего. Если надо, очень деликатный и очень хорошо владеющий искусством мимикрии. Причем с высоким начальством он один, а с

низким – другой. Таким мне хотелось представить Таборского: он может разговаривать и с районным и областным начальством, и вместе с тем он – парень-рубаша, свой в доску с механизаторами, и так далее. И их разлагает: воруйте, ребята, я сам цыган и вам не мешаю.

Вот таков примерно сегодняшний мещанин...

– *Расскажите, пожалуйста, как складываются отношения с редакторами, издательствами, Твардовским, нынешними.*

– Большой вопрос. Я уже говорил вам частично, что мне каждые крупные вещи приходилось печатать с большим трудом. Что касается Александра Трифоновича Твардовского, то он сыграл в моей жизни выдающуюся роль. Он первый... напечатал «Две зимы и три лета». И вообще Твардовский сыграл (хотя я не могу сказать, что я был с ним на короткой ноге, что я дружил с ним, хотя встречался с ним довольно много и знаю его, как мне кажется, довольно хорошо) в моей жизни редкую, исключительную роль. Я и сейчас пишу и думаю, пишу с оглядом на Твардовского: а как бы на это посмотрел и оценил Твардовский? Потому что не было в моей жизни, в мою бытность в литературе человека, который более нетерпимо относился бы ко всякого рода лжи и фальши, чем Твардовский...

– *Вас переводят в разных странах мира. При этом сохраняется ваш язык и язык ваших героев?*

– По-всякому бывает. Сохраняется или не сохраняется – это мне довольно трудно контролировать.

– *Понимают ли читатели за границей Пряслиных, могут ли полюбить, как мы?*

– Ну, это было бы самонадеянно говорить, что все любят меня и зовут в объятия. Но бывали интересные случаи. Я получаю письма из Сибири, с Украины, с Урала и из других деревень, в которых пишут, что Пряслин – мой брат, спрашивают, когда я был у них в деревне, почему не объявился. Это все мне пишут и это понятно, потому что в пряслинской семье схвачена, хорошо или худо, но схвачена история крестьянской семьи, очень типичной для России. Отец уходит на войну и погибает, куча ребятишек, безотцовщина, и старший сын, которому еще четырнадцать лет нет, становится за мужика, за главу семьи – это пережила вся Россия и не только вся Россия, и Грузия, и многие, многие другие. Поэтому все понятно.

Но очень интересный был у меня случай во Франции... Как-то разговорился с приятелем в Провансе, с одним преподавателем. Он говорит мне: а не хочешь ли посмотреть французского Михаила Пряслина? У меня глаза на лоб...

Короче говоря, поехали в винодельческий кооператив. И председателем его, организованного, конечно, на иной основе, чем наши кооперативы, оказался рослый француз. Очень такой плечистый, крепкий. В общем, кряж такой. И оказывается, что его иногда называют Пряслиным французским, потому что у него, в общем, была та же биография. Ранняя безотцовщина, отца угнали, он погиб, осталась куча ребятишек, и все это легло на плечи сына...

– *Я читал ваше выступление на съезде писателей. Вы говорите, что перестройка, обновление жизни только социальными средствами, не подкрепленными душевной работой каждого человека, не могут дать желаемого результата. Что вы подразумеваете под душевной работой каждого человека?*

– Вопрос очень сложный. За неимением времени коснусь коротко. Издревле, с очень давних пор существуют два способа обновления, два способа перестройки жизни. Один

путь – социальных революций и социальных реформ, второй путь, который особенно яростно проповедовал в нашей русской жизни и в нашей литературе Лев Николаевич Толстой, – это путь нравственного усовершенствования, нравственного самовоспитания личности, каждого человека. Долгое время к этому учению Льва Толстого, прекрасному учению Толстого, которое является сердцевиной всего его творчества, у нас относились негативно. Были на то основания, потому что это отвлекало от революции, но сегодня мы можем должным образом оценить учение этого великого человека, потому что опыт показывает, – перестройка, социальная перестройка жизни, не подкрепленная душевной работой каждого, не может дать должных результатов.

Что я понимаю под душевной работой каждого? Это самовоспитание, строительство собственной души, каждодневный самоконтроль, каждодневная самопроверка высшим судом, который дан человеку, судом собственной совести. Совесть – это как раз та сила, которая помогает сдирать с человека коросту эгоцентризма, коросту всякой затхлости. Это та сила, которая выводит человека на пути широкого братства, требовательности к себе и людям.

– *Почему вы вручили судьбы Пекашина Нетесову? Тем более что Нетесов показал себя как безотказная машина, исполняя приказы Таборского?*

– Я скажу так: Виктор Нетесов не идеал, но наша жизнь, сегодняшняя действительность требует, нуждается, очень нуждается в деловом человеке. Виктор Нетесов при всем несовершенстве своем человеческом несет в себе эти деловые качества. И в этой деловитости сегодня, как никогда, нуждаемся мы, нуждается страна. И при всех душевных вывихах его, пекашинцы ухватились за него, потому что, по крайней мере, он точен, как машина.

– *Как вы относитесь к жизненным компромиссам, ведь без них сейчас не проживешь?*

– Вообще в жизни без компромиссов прожить нельзя. Но меру компромиссов решать каждому, сообразуясь со своей совестью.

– *Каково ваше впечатление от поездки в Соединенные Штаты?*

Я был там пять лет назад. Объехал почти всю Америку, но я на три дня вернулся раньше, хотя мне Госдепартамент предлагал еще продлить путевку на десять дней. Я из тех, кто болен ностальгией. Я все бросил и с радостью покатыл в свою Россию. А впечатлений очень много. Я, может быть, когда-нибудь напишу...

– *Как к вам относятся ваши земляки-северяне?*

– Я уже говорил. У меня очень хорошие отношения с земляками, но иногда объяснения бывают даже через газету, потом самопокаяние бывает с той и с другой стороны. Но в общем, с земляками у меня хорошие отношения. Единственно, с кем у меня отношений нету – это с «Правдой Севера».

«Правда Севера» меня как писателя совершенно игнорирует.

Уже давно, несколько лет, ни одного отклика на появление моего сочинения. Хотя земляки читают меня и проявляют интерес. И по этой причине надо было хоть бы пару строк в виде информации дать. Мое выступление на съезде, хотя другие газеты печатали, там тоже не опубликовали. Письмо к землякам, казалось бы, имевшее к делам Севера прямое отношение, тоже не напечатали. Сейчас я был четыре дня, работал, как проклятый, в Архангельске, там принималась премьера «Дома». Ну, естественно, автор для земляков своих выкладывается полностью. И я ни дня, ни ночи, четыре этих самых дня не видел, работал... С интеллигенцией встречался и толково побеседовал, не вру. Ну, казалось бы,

хоть маленькую-то заметочку, отклик в газетке, информировать... Нет. И заговор молчания вокруг «Дома», которому, кстати сказать, очень равнодушно относятся сами архангелогородцы и который, конечно, надо хвалить, и прежде всего артистов, они в этом спектакле играют нечто невиданное. Одни и те же артисты играют и двадцатилетних и сорокалетних... потому что там идут два спектакля: «Две зимы и три лета» и «Дом».

Ну, я надеюсь, что когда-нибудь, при моей жизни (или после) у меня с «Правдой Севера» тоже отношения будут хорошими.

– *Есть ли принципиальная разница между нравственным обликом сельской и городской молодежи?*

– Не знаю, это вопрос сложный, к этому делу надо подключиться социологическим институтам, которых у нас много. Да, это проблема невыдуманная. Я бы сказал, что я и в деревне встречаю очень хороших ребят, и в городе.

– *Как отнеслись родители к вашей писательской деятельности?*

– К сожалению, родителям не пришлось испытать чувство огорчения или радости. Отец умер, когда мне шел второй год, а мама умерла в 47-м году. И последние семь лет она была скована параличом.

– *Кто вам больше нравится: человек послевоенной деревни или деревни сегодняшней? Что ушло и что пришло в характер?*

– Об этом можно говорить очень долго. Но я переживаю как величайшее горе смерть каждого старого человека в моей деревне.

Для любителя рощи – это не все равно, когда вырубают ее и исчезает дерево за деревом. И в моей жизни, на моей памяти один за другим падают кряжи. Великолепные люди, которых по-настоящему-то только сегодня и понимаешь. Я жизнелюб, но бывают минуты, когда я иду по своей деревне и на меня дует пустотой. Ну, а потом проходит.

– *Часто ли вы встречаетесь со своими читателями? Представляете ли своего читателя, как ощущаете связь с ними?*

– Связь прежде всего через письма. Выступаю я не часто, хотя предложений бывает много. У меня множество других обязанностей: в Ленинграде я – один из секретарей писательской организации, секретарь Союза писателей СССР, кандидат в члены Ленинградского горкома партии... И, конечно, приходится отказываться от многих выступлений перед читателями, хотя, конечно, я всегда чувствую себя как самый распоследний сукин сын.

– *Культура личности, – что вкладываете в это понятие?*

– Прежде всего культурный человек для меня – это не обязательно человек с высоким образованием. Культурным человеком, и так было в старину, в деревне может быть и неграмотная старуха, неграмотный старик. Культурный человек определяется, на мой взгляд, прежде всего своим строем души, минимальным эгоцентризмом и самой широкой открытостью людям, жизни, желанием прийти в любую минуту, в любых обстоятельствах на помощь павшему и падшему, проявить милосердие и, конечно, быть требовательным к себе прежде всего, а следовательно, и к людям; короче говоря, руководствоваться самым надежным самоконтролем, самым надежным судом, имя которому совесть.

– *Как случилось, что большинство ваших героинь – русские женщины, что они во многих произведениях потеснили мужчин?*

– Ради ответа на этот вопрос я, пожалуй, встану. Я уже говорил о лирических причинах, почему меня так привлекают женщины. Прежде всего женщина мне дорога

своей ролью в нашей жизни... мужчина пришел с работы, ...большинство к телевизору. У женщины, и это мы все хорошо знаем, после рабочего дня на предприятии, в школе, на фабрике, дома начинается второй рабочий день, не менее сложный, не менее трудный, а может быть, и тяжкий. Это беготня по магазинам, дети, обедешко какой-никакой надо сварганить, постирать, и так далее, бутылку вырвать из рук мужа, направить его на путь истинный, образумить... Короче говоря, шутки – шутками, но работы у женщины чрезвычайно много, и некоторые наши эмансипированные женщины сегодня наверняка кричат: «Назад, даешь домострой, даешь закрепощение». Это в нынешней жизни. А что сказать про войну? Из моей деревни Верколы ушла целая рота мужиков, сейчас в клубе на самом видном месте висит список в траурной рамке погибших, не вернувшихся с войны – сто двадцать восемь мужиков. Так вот, русская женщина, русская баба, сельская баба (я не говорю о городской, беру только этот пример) во время войны впряглась в эту работу. То, что раньше мужики пахали поля и сено ставили и... прочее, все это взвалила на свои плечи, и, будьте спокойны, она это делала не хуже мужиков, пройдите по сегодняшним полям, – они запущены наполовину, так ведь техники сегодня сколько, тракторов одних сколько! А сенокос? Эта самая баба с одной косилкой, с одним плугом, с серпом, она все выжинала, она хлебом кормила фронт, и похоронки на нее сыпались в это время, и детишек нужно было оприютить и как-то обиходить, сохранить хоть корень мужа, убитого на войне, хоть фамильный корень. Я все это видел, и когда у нас говорят, пишут, что второй фронт в эту войну был открыт в 44-м году, – это неверно. Второй фронт был открыт русской бабой еще в 1941 году, когда она взвалила на себя всю эту мужскую непосильную работу, когда на нее оперлись всей своей мощью фронт, армия, война. Я уже не говорю о подвигах той же русской женщины после войны. Ведь, бедная, думала, что война кончилась – начнется жизнь, а война кончилась, к ней снова: давай хлеб, давай молоко, корми города, давай лес, кубики. И если бы вы знали нашу лесную Россию, сколько поколений девушек были повенчаны с пнем в лесу вместо мужика. А безотцовщина? Трудно даже вообразить, что все это пало на плечи русской женщины. Я не буду сегодня говорить о той роли, которую сыграла русская женщина в истории, ведь и в прошлом – Россия всей тягостью опиралась на женщину. Таково было положение в России, что большую часть своей жизни наш мужик воевал. И вот очаг домашний, тепло домашнее, песня – все это теплилось и взрастало новое поколение прежде всего вокруг женщины, это нельзя забывать никогда. И, конечно же, русская баба, русская женщина достойна самых великих памятников. К сожалению, наши памятники не всегда отвечают этому. Всегда ли узнаешь в них Мать, с ее бесконечной любовью, с ее способностью к великому самопожертвованию, с ее вечным страхом и заботой и робостью в глазах? Я верю, я надеюсь, что у нас, наряду с этими монументальными образами, появятся памятники, когда на пьедестал шагнет простая, всем знакомая русская женщина – мать.

1981

Публикация
Л. В. Крутиковой-Абрамовой

Источник: Самый надежный судья – совесть / Федор Абрамов ; публикация Л. В. Крутиковой-Абрамовой // Нева. – 1984. – № 5. – С. 144-160.